

Наталья Мавлевич. “Человек на своем месте”.

Ромашково

Ромашково хорошо известно любителям пеших загородных прогулок и лыжного спорта. Места здесь чудо как хороши и совсем близко от Москвы. Именно поэтому земля в Одинцовском районе - самая дорогая в Московской области; окрестности Ромашкова стремительно застраиваются краснокирпичными особняками, подминающими под себя все новые и новые куски заповедной территории.

А храм - церковь Святителя Николая (первое упоминание о нем встречается в 1627 г., когда здешняя земля принадлежала матери первого царя из рода Романовых - Михаила Федоровича) - за последние годы очнулся от полувековой летаргии. Ибо не только стены и колокола обновились в храме - здесь обновляются преображаются люди, что куда важнее и труднее...

Иконостас не завершен:
Еще не скрыла позолота
Живой древесной желтизне,
А в еерхних ярусах пустоты,
Как поднятые паруса,
Звенящим трепетом полны.
Сам свод небесный обнажен.

Таким предстал ромашковский храм осенью 1995 года Г.М., одному из тех, кого судьба загнала в тупик, оказавшийся началом новой жизни. Раз в неделю электричка привозит сюда еще одну компанию, мало похожую на туристские группы. Этих людей, кажется, не роднит друг с другом ничто: у них разный возраст, жизненный опыт, разные профессии и часто очень разные взгляды. Общая у них - беда, из которой нежданно-негаданно рождается радость. Тоже общая. В тот год по субботам в Ромашкове встречалось весьма пестрое общество: химик и филолог, учителя и рабочие, коммерсант и философ, художник и искусствовед, студент и инженер. И еще два психолога и священник.

Из записей Г.М: Алкоголизм похож на растущую опухоль. Пытаешься выкорчевать, вырезать, выжечь его, но постоянно остается где-то капелька, крошечка, и из нее неумолимо развивается новый процесс, снова растет паразитическая опухоль, все захватывает, уродует и вылезает наружу всякий раз, когда дашь лазейку гордыне, лживости, азарту, лени... Всем известно: переохладишься — заболеешь. Но здоровье можно закалить — здесь же закалка невозможна. Даже такие безобидные решения, как с завтрашнего дня делать зарядку или не курить оказываются трудно осуществимыми. А кто же не горд, не ленив?.. Но не для всех людей кара за эти грехи так мгновенна и неотвратима. Искренне желаешь добра, но стоит поверить в свои силы, как снова оказываешься на дне. Ощущение, будто размахиваешь руками в пустоте, дерешься во сне... Сколько же карабкаться по этой лестнице, когда с «озарениями и воспарениями», а когда просто обливаясь потом и сжав зубы.

Вот какое несчастье свело столь пеструю компанию. Алкоголизм, национальное бедствие, масштабы которого таковы, что борьба с ним давно должна была бы стать, как говорят политики, государственным приоритетом. Кое-что уже делается - боюсь только, не по инициативе государства, однако большинство из нас и сегодня относится к этой проблеме то с юмором висельников, то с гневом праведников, меж тем как десятки тысяч людей страдают и гибнут в одиночку. Сюда, в Ромашково, прослышав о необыкновенном батюшке, стекаются, как правило, те, кто уже перепробовал все.

- Парадокс, - смеется отец Алексей Бабурин, настоятель храма в Ромашково, - люди прибегают - в пря-

мом и переносном смысле слова - к Богу не в первую очередь, а когда все другие средства исчерпаны! Приходят, когда начинает распадаться семья, страдать профессиональные интересы, когда отказывает здоровье, сыплются аварии, травмы, неприятности с законом.

А что привело самого о. Алексия к неподъемной проблеме алкоголизма? Его судьба складывалась довольно причудливо. Математическая школа, фельдшерское училище, армия, мединститут, Кардиологический центр... и в 1989 г. - рукоположение во священника. А потом вдруг, уже в сане, работа в наркологическом диспансере и Центре психического здоровья. Однако о. Алексей убежден, что ничего случайного в жизни не бывает. Стоило овладеть техникой массажа, чтобы получить в пациенты Алексея Федоровича Лосева, выдающегося философа, историка, тайного монаха. Пациент стал лучшим из учителей. Одно из его высказываний о. Алексей приводит особенно часто: «Вера есть требование предельно развитого разума»

«Ты - прирожденный священник», - говорил ему еще в юношеские годы прозорливый духовник. Очевидно, так и есть и о. Алексей - редкий пример человека на своем месте. А путь помощи людям, зависимым от наркотиков и алкоголя, он не выбирал, более того, пытался с него сойти, но эта проблема каждый раз наступала его и, наконец стала одним из основных его дел наряду со служением в Никольском храме и в храме Божией Матери Целительницы в Центре психического здоровья РАМН (где вместе с ним служит столь же незаурядный человек полиглот, спортсмен, бывший ведущий психотерапевт суицидологической службы страны, а ныне священник и глава общины из трех десятков бомжей близ Москвы - отец Валерий Ларичев. «Я его ученик по медицине, а он меня называем своим учителем церковному искусству», - говорит о. Алексей. Первым шагом была тема, которую молодому сотруднику отдела социальной реабилитации Всесоюзного научного кардиоцентра дал руководитель: «Психологическая помощь при табакокурении»

- Мне это не понравилось, я предпочел бы заняться кардионеврозами или чем-нибудь в этом духе, но мне сказали: социальный заказ, надо выполнить. Дерзайте. Неожиданно тема оказалась интересной...

Курение - по существу такая же зависимость, хотя не столь губительная, как наркотики и алкоголь. Посвящение в сан, казалось бы, должно было положить конец всему, что было прежде.

- Я уже думал: всё, какая медицина (хотя по-прежнему любил и люблю ее), но я ошибался. Буквально через два месяца Патриархия направляет меня в Волгоград на Всесоюзный съезд главных наркологов, дальше - больше: возвращаюсь в Москву - первая советско-американская встреча по проблемам алкоголизма, знакомство с лидерами движения «Анонимных Алкоголиков», священниками, психологами. Потом вторая подобная встреча в Свято-Даниловом монастыре. Тогда, в 1989-1990 годах, в Церкви это все затевалось очень серьезно, шла речь о широкомасштабной помощи нашим прихожанам. И вот на одной из таких встреч ко мне подошли главный нарколог тогда еще Союза Эдуард Семенович Дроздов и главный врач 11-го городского наркодиспансера Марина Николаевна Карпова - оба звали к себе работать, на полставочки, на четвертьставочки, как смогу (в то время я уже был настоятелем в Ромашкове). Я дал согласие Марине Николаевне, поскольку ей никак нельзя было отказать. И начал работать в диспансере. Сначала вел прием курильщиков, затем взялся за группу наркоманов. Занимались не только в диспансере, были и выездные занятия здесь, в Ромашкове. По большей части эта группа состояла из молодежи, лет до 23-х. И хотя лечились ребята амбулаторно, все-таки в трети случаев они отказались от наркотиков, а один даже стал священником. Спустя какое-то время мы с Мариной Николаевной организовали в ромашковской больнице стационар, где сочетали медикаментозное лечение с психотерапией и катехизацией.

Предварительно оба врача ездили учиться в Рим, в Итальянский центр солидарности, который занимается и реабилитацией наркоманов, и подготовкой кадров для всего мира. В этом месте рассказа у меня возникло недоумение. До сих пор все было ясно: в наркодиспансере работал врач Алексей Бабурин (чьи религиозные убеждения пациентов не касались), в храме служил иерей Алексей (врач он или повар по мирской профессии, для прихожан безразлично).

- Как же, - спрашиваю, - вы работали: врачом и священником одновременно?

- Конечно! Вот именно! - по изменившемуся голосу о. Алексия стало ясно: вопрос задел что-то принципиальное, выстраданное, если не самое важное для него. - Как же я могу разделить в себе то, что имеет смысл только в единстве?! Ведь решающим в моем переходе от медицины к церковному служению и было желание полноты. Я всегда ощущал, что чего-то не хватает. Хороший терапевт до тонкости знает физиологию организма, всю нашу телесную природу, хороший психотерапевт умеет выправить душевные травмы, но для полноценного врачевания нужна еще одна составляющая - духовная. А духовное врачевание

сопряжено с пастырством.

В августе 1992 г. в ромашковскую общину приезжал из Парижа Пьер де Парсево, католический священник, много лет работающий с наркоманами и организовавший во Франции целую сеть лечебных общин. В книге отзывов осталась его запись:

“Был счастлив, побывать здесь, в центре помощи наркоманам и их семьям. Пусть будет удачным ваше начинание. Главное - вернуть больному человеческое достоинство и освободить родственников от чувства вины. Желаю успехов в развитии реабилитационной общины и в реставрации храма. Надеюсь, мой визит послужит дружеской связью между нами, взаимным стимулом в помощи наркоманам, которой каждый из нас занимается по мере сил. Да хранит и благословит вас Господь. Отец де Парсево, вице-президент Национального семейного общества борьбы с наркоманией”.

Рядом - запись одного из подопечных отца Пьера: «Рад познакомиться с “батюшкой Алексием, первым священником-психиатром, которого я встретил за три посещения России». Подпись – «Реми Перво, «шизоидная личность» - цитата из моей истории болезни».

Это был бы, наверное, первый в нашей стране реабилитационный центр для наркоманов, и сегодня уже сотни людей были бы исцелены! Но, увы...

- Нам не удалось закрепить за собой стационар. Персонал больницы отрицательно относился и к наркоманам, и к участию священника в их лечении. Аренду нам не продлили.

Итальянцы в России

В 1993 г. в отдел социальной благотворительности Московской Патриархии к архиепископу Сергию Солнечногорскому обратился итальянский профессор Ренцо де Стефани с предложением сотрудничать в работе со страдающими алкоголизмом и их семьями. Владыка отправил профессора и его коллег к о.Алексию.

- Они спросили, что у нас в России делается для помощи семьям, у которых имеется проблема алкоголизма. Ответить было легко, потому что у нас ничего не делалось, но все-таки я их отвез к о. Иринарху Грезину в храм при Боткинской больнице, где работала группа «Анонимных Алкоголиков», отвез в Центр психического здоровья. Но де Стефани решил сотрудничать с нами, с нашим храмом, потому что увидел тут перспективу.

Ренцо де Стефани живет на севере Италии, в городе Тренто, и возглавляет психиатрическую службу области. История его появления в России весьма любопытна. В Тренто существует экуменический центр Бернардо Клезио, который возглавляет дон Сильвио Франк, католический священник, известный особой любовью к Русской Православной Церкви. Дон Сильвио Франк решил оказать России помощь, которую считал не менее важной, чем хлеб или одежда: подарить методику работы с больными алкоголизмом, и для этого на свои средства и средства организованного им в Тренто общества друзей России пригласил Ренцо де Стефани, преемника знаменитого Владимира Удолина из Загреба, создавшего эту методику в 1964 году. В Югославии до начала войны было более двух тысяч семейных клубов трезвости, в Италии их сейчас более трех тысяч. Предложение итальянцев было принято, и в течение года несколько групп, состоявших в основном из психологов и врачей, прошли бесплатное обучение в Тренто. А в декабре 1993 г. в Ромашкове открылся первый семейный клуб трезвости, который возглавила Марина Николаевна Карпова. За ним появились другие, руководителями там тоже были подготовленные в Италии волонтеры. Вскоре удалось организовать курсы и в России. Ренцо де Стефани и его помощники обучили в общей сложности 150 руководителей клубов. Однако в России нет сегодня потенциально возможных ста пятидесяти клубов. Было три десятка, сегодня осталось около десяти. Почему?

- Проблема возникла на этапе объединения усилий. У нас не было никаких денег, оказалось невозможным создать информационный и координационный центр, неясен статус - то ли общественная организация, то ли церковная. На требующую полной отдачи безвозмездную работу в наших и без того тяжелых условиях оказались готовы немногие, еще меньше таких, кто понимает необходимость централизованных действий. Все стали сами по себе, а хотелось бы, чтобы это вылилось в движение, как в Италии, Югославии, в других странах. Где, рискну дополнить о. Алексия, с одной стороны, существует большой опыт общественной благотворительности, с другой - находятся более состоятельные, чем отдельный приход, структуры, готовые поддержать столь социально необходимое дело, например, государственные или общецерковные власти. У нас не нашлось. Грустно еще и оттого, что бескорыстное желание помочь часто

наталкивается на насупленную подозрительность адресатов этой помощи. Как будто все без исключения дареные кони - троянские и начинены взрывчаткой, которая того и гляди подорвет наши православные устои.

«...там Я посреди них»

На первом же итоговом собрании Ренцо де Стефани был несколько удивлен.

- Все наши бывшие алкоголики благодарили Бога за исцеление, а он не мог понять, почему Бога; а не людей, и даже спрашивал, не репетировал ли я с ними, что говорить на Интерклубе.

Дело в том, что политические и конфессиональные вопросы, согласно принципам программы, должны оставаться за рамками клубных бесед. Это понятно: устраняется все, что могло бы возбудить вражду между членами клуба. О. Алексей поначалу честно старался выдержать чистоту метода, но здесь произошло то же, что всегда: он распространяет вокруг себя веру, как свет. Да и не мог он не быть пастырем. А главное - в программе Удолина, как когда-то в медицине, ему не хватало духовного элемента, который он считал главным. Большой поддержкой ему стало посещение ромашковской группы единомышленником протестантским епископом, занимающимся с группами алкоголиков в Америке.

- Наша группа - не слепая копия итальянских семейных клубов трезвости, действующих по методике Удолина, это община трезвости, обогащающая себя собственным опытом и, в первую очередь, опытом религиозным. Такие общины непременно должны зарождаются в Церкви и могут со временем оформиться в церковно-общественное движение за трезвый, благочестивый образ жизни. Это движение не требует особого благословения оно в своей сущности христианское. Церковь должна быть рядом со страждущими и не ждать, чтобы кто-то пришел и помог. Я рассматриваю слова апостола Павла: 'Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу',— как один из кардинальных заветов, данных христианам. К сожалению, православные люди сегодня у нас в России слишком часто им пренебрегают. Надо служить и вне церковной ограды. Хорошо иметь хор для мальчиков и девочек хорошо иметь катехизаторскую школу, но это еще не всё. Мы сталкиваемся с тем, что молодежь охвачена эпидемией наркотиков, не можем найти себя, и Церковь в лице ее пастырей должна пойти навстречу молодежи.

У Русской Православной Церкви есть немалый опыт социального служения в области борьбы с алкоголизмом - это трезвенное движение конца XIX - начала XX века. Традиция идет от святого Иоанна Кронштадтского с его домом "трудолюбия", позже движение возглавил митрополит Санкт-Петербургский, а затем Киевский Владимир (мученически погибший в Киеве после революции). Психолог Георгий Витальевич Гусев, тоже участвующий в работе группы, специально занялся историей этого вопроса. Оказалось, что к 17-му году в России было две с лишним тысячи общин трезвости, где работали священники, врачи, учителя. К этой бы структуре нынешней уровень знаний! Но начинать приходится с нуля. Состав группы постоянно плавно обновляется - это неизбежно. Из новичков остаются не все - это тоже понятно. Но те, кто решил посещать собрания регулярно, рано или поздно проходят некие общие для всех ступени по пути освобождения от зависимости, не только алкогольной, но и любой другой, по пути к внутренней свободе, ибо полное исцеление дает только она. А люди приходят разные.

Новые друзья

29 октября 1997 г. ромашковский летописец отметил чрезвычайно большое собрание, много новых, молодых лиц. С того дня начался новый этап в жизни общины, в нее влилась целая семья - необычный театр под названием "Камерная сцена". Театр профессиональный и в то же время семейный. Руководят им Михаил Григорьевич Щепенко и его жена Тамара Сергеевна Баснина (эти удивительные люди, сочетающие искусство с педагогикой, достойны отдельного рассказа). Как заботливые родители, они убедили актеров, имеющих в большей или меньшей степени алкогольную зависимость (уверена, таких в любом театре найдется не на одну группу!), в необходимости лечения и привезли своих питомцев в Ромашково. В ту первую встречу была разыграна блестящая импровизация на тему "Пить или не пить". С подначки о.Алексия все стали со все возрастающим оживлением перечислять позитивные эффекты алкоголя. Их оказалось немало - 23. Тут и уверенность в себе, и вдохновение, и избавление от стресса, и даже чувство принадлежности к национальной традиции. - Зачем же бросать? - разводит руками ведущий. - Дело-то, выходит, хорошее? Ну а что мы теряем, приобретая все это? Наперебой диктуются еще 28 пунктов, от

ущерба здоровью до отпадения от Бога. А далее оказывается, что все 23 плюса из разряда мифов, стереотипов и перед каждым стоит выбор: быть как все или быть собой. Так завязалась дружба семьями Ромашкова и Камерной сцены.

Сейчас община успела посмотреть едва ли не весь репертуар театра, а ромашковский храм услышал несколько обетов трезвости, произнесенных актерами. Театр готов предоставить свое помещение для устройства консультативного и информационного центра, предлагает проводить в нём встречи, возможно, уже не одной группы. Так случайно, неожиданно может оказаться возможным то, на что не оказалось средств пять лет и два года назад. И снова о. Алексей спокойно поправляет меня:

- Это только на первый взгляд случайность, на самом деле, значит, пришло время.

Осенью о. Алексей и его помощники собираются оповестить все храмы Москвы и области и устроить семинар для священников и мирян, готовых открыть в своих приходах семейные общины трезвости. Я уезжала из Ромашкова, исписав все пленки и всю бумагу с двух сторон.

- Вы напишите так, чтобы стало ясно: Церковь жива, — напутствовал меня о. Алексей, и я ясно услышала и прочувствовала большую букву — “Церковь”. Не знаю, насколько мне удалось выполнить его просьбу, но сама я теперь знаю точно: жива и неистребима.